

ІСТОРИОГРАФІЯ ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

УДК 930.1 (038)

А. Г. Болебрух

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

СПЕЦИФИКА ИСТОРИИ КАК НАУКИ (к постановке проблемы)

Розглянуто проблему дисциплінарних особливостей історії як науки.

Ключові слова: наука, історія, специфіка.

Рассматривается проблема дисциплинарных особенностей истории как науки.

Ключевые слова: наука, история, специфика.

The problems of disciplinary peculiarities of history as science are considered.

Key words: science, history, peculiarities.

Является ли история наукой? Насколько термин «историческая наука» соответствует ее действительному положению в системе научного познания? Этот вопрос периодически возникал перед интеллектуалами разных эпох и, как правило, разделял их на группы, придерживающиеся противоположных взглядов. Начало этому противостоянию положено еще в античности, когда Лукиан из Самосаты (166 г. н. э.), сравнив историю и поэзию, писал, что вторая основана на вымысле, а задача первой – показать, как все происходило на самом деле. Видимо, уже тогда возникла потребность различать две формы постижения мира с наделением истории функцией правдивого отображения реальности. Геродот так объяснял свою цель как автора: собрать и записать «сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [5, с. 5]. Древнегреческий мыслитель, как видим, преследовал сугубо практическую цель, состоявшую в объяснении современникам причин того, что происходило внутри и вне отечества, а также в приобщении их к урокам минувшего.

Когда мы говорим об античности как начальной стадии в европейском историописании, следует заметить, что ведущим способом интерпретации описываемых фактов являлось размышление. Причем опиралось оно не на скрупулезное рассмотрение причинно-следственных связей в источниках (что характерно для современной историографии), а на личный жизненный опыт и мудрость, накопленную предшествующими поколениями. Источники подвергались разбору только с точки зрения степени вероятности упоминаемых в них известий. Приоритет же отдавался оценке излагаемых фактов в ракурсе осмысления современных общественных тенденций.

Особенно широко данным приемом пользовался преемник Геродота Фукидид, который включал в ткань повествования о Пелопоннесской войне многочисленные монологи персонажей [3, с. 180–185]. В литературе высказывалось мне-

ние, что Фукидид сам сочинял эти речи, хотя историк настойчиво заявил, что стремился с возможной точностью передавать смысл сказанного. Как бы там ни было, Фукидид удачно воспользовался такими вставками, чтобы безошибочно расставить в «Истории» идейно-смысловые акценты.

Так в историописании усилиями античных авторов выкристаллизовались две основные линии повествования: 1) отбор, обработка и описание фактов прошлого, 2) раздумье о путях общественного развития и его исторических корнях, для чего сугубо источниковой информации явно не хватало. Первая и вторая линии отнюдь не составляли оппозиционную пару, а существенно дополняли друг друга.

Однако об этом позже. Сейчас же вернемся к вопросу в начале статьи: является ли история наукой? Для того, чтобы его удовлетворительно разрешить, необходимо выяснить, что ныне понимается под термином «наука». Существует немало его определений, для изложения которых вкупе с сопровождающей аргументацией не хватит объема отдельной статьи, поэтому ограничимся кратким изложением сути вопроса.

Наука как форма интеллектуальной деятельности призвана посредством специальных исследовательских процедур выработать достоверное знание об объективной действительности; оно должно быть воспроизводимым, экспериментально доказуемым, выводимым из комплекса знаний, истинность которых доказана ранее. Тем самым обеспечивается приращение верифицируемого знания и организация его в систему.

Объекты, которые изучает история, недоступны непосредственному наблюдению или эксперименту. В распоряжении ученых находятся преимущественно письменные источники, содержащие субъективные (в большей или меньшей мере) отражения прошлой реальности. Поэтому некоторые авторы (например, постмодернисты) не считают историю наукой, поскольку она оперирует крайне сомнительным фактажом. Большинство же историков считают, что письменные свидетельства – при условии применения совершенной методологии и методики, – в состоянии снабдить исследователя надежной информацией.

И все-таки остается некоторая неудовлетворенность простым сближением истории с другими видами научного знания, ведь отличия очевидны. Нужно признать, что история имеет специфические черты как одна из отраслей науки. Но в чем сущность данной специфики – остается слабо выясненным до сих пор. Проблема, затронутая нами, чрезвычайно сложна, а потому остановимся лишь на некоторых, важных, с нашей точки зрения, моментах, да и то в постановочном плане.

Начнем с этапного для современной историографии произведения – «Апология истории или ремесло историка» М. Блока [2], одного из основателей знаменитой «Школы Анналов». Книга писалась в драматичной обстановке немецкой оккупации Франции и осталась незаконченной из-за трагической гибели ученого в 1944 г. Открывалась она бесхитростным вопросом мальчика: «Зачем нужна история?» Отвечая на него, Блок развернул собственное понимание предмета истории, ее места среди гуманитарных дисциплин и социального призвания, то есть «проблемы целесообразности, оправданности исторической науки». В монографии затрагивалось множество вопросов, но нас интересует лишь один из них – о своеобразии исторического познания.

Поскольку названный аспект почти не обсуждался в литературе, приведем мнение Блока целиком. «Итак, – писал он, – мы ныне лучше подготовлены к мысли, что некая область познания, где не имеют силы Евклидовы доказательства или неизменные законы повторяемости, может, тем не менее, претендовать на звание научной. Мы теперь гораздо легче допускаем, что определенность и универсальность – это вопрос степени. Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заим-

стованнуу из наук о природе, ибо даже там этот шаблон уже не может быть применен вполне. Мы еще не слишком хорошо знаем, чем станут в будущем науки о человеке, Но мы знаем: для того, чтобы существовать – продолжая, конечно, подчиняться основным законам разума, – им не придется отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться» [2, с. 15].

После позитивистского триумфа второй половины XIX в. Блок выстраивал совершенно новую модель исторической науки, которая, по его убеждению, совсем не обязательно должна приводить к таким же математически выверенным результатам, как естественные и технические отрасли знания. В науке вообще не существует «единообразной интеллектуальной модели», а потому гуманитарные науки («науки о человеке»), если не ныне, то в будущем будут иметь все основания отстаивать свою «оригинальность».

Одним из таких отличий исторической науки является категория времени, которую представители «Школы Анналов» переосмыслили «революционным» образом. Заметный вклад в ее трактовку во второй половине XX в. внес Ф. Бродель [4, с. 114–142]. Развивая идеи Блока, он писал, что в традиционных формах исторического повествования время воспринималось как «простая сумма дней», а потому была широко распространена описательная манера изложения материала, в частности, в политической истории вообще обходились «кратковременным хронологическим масштабом».

Не соглашаясь с такой анахроничной практикой, Бродель констатировал, что историческое время – это время социальное, «время накопленных обстоятельств». Оно, по его мнению, представляет собой безостановочно движущийся поток, вбирающий в себя все формы и результаты человеческой деятельности, все устремления и планы, все смены ритмов, этапов, периодов, которые вносили известное разнообразие, но не прерывали движение. Но в этом хаотичном, на первый взгляд, течении времени проявлялась также известная закономерность и целесообразность, зафиксировать которую можно только на длительных хронологических отрезках. Поэтому Бродель предложил выделять три уровня исторического времени [9]:

- 1) *la tres longue duree* (очень большая длительность, вся земная история);
- 2) *la longue duree* (большая длительность, история значительных периодов развития общества);
- 3) *le temps bref* (короткое время, событийная история).

Если последний уровень (*le temps bref*) определял место конкретного события во временной цепи, то первый – хронологическое пространство всего происходившего с эпохи письменной истории. Следовательно, только второй уровень (*la longue duree*) в основном открыт для научного изучения с целью выяснения смысла истории.

Смысл того, что происходило и происходит, однако, крайне труден для истолкования, если принять во внимание колоссальный объем самой разноречивой информации, постоянно пополняющей исторический процесс в его источниках. К тому же, в этой информации причинно-следственная связь между составными элементами чрезвычайно запутанна и не сводится непременно к логической последовательности: предшествующий ближайший факт вовсе не всегда выступает обязательной причиной последующего, его корни могут скрываться в отдаленной глубине, а сам факт может иметь несколько причин.

Концепция исторического времени, выдвинутая «Школой Анналов», нуждалась в существенном обновлении системы категорий и методов исследования (Жак Ле Гофф талантливо это осуществлял в последних сочинениях). В конце XX – начале XXI в. российские ученые (С. Аверинцев, М. Барг, А. Гуревич, Б. Могильницкий, В. Степин и др.) внесли известный вклад в развитие нового понимания времени. В частности, Барг, исходя из марксистской теории общественно-экономических формаций, предложил ввести такие категории для

характеристики особенностей исторического процесса: всемирно-исторический, локально-исторический, а также своего рода частные категории – внутрiformационная типология, внутрiformационный регион, формационный стадийный регион [1, с. 23–61]. На их основе Барг сформулировал оригинальное понимание предмета исторической науки: «Историческая наука изучает закономерности пространственно-временного развертывания всемирно-исторического процесса или, что то же, закономерности всемирно-исторического развития человечества как равнодействующих внутрiformационных и межформационных взаимодействий этнополитических общностей, являющихся носителями своеобразия этого развития» [1, с. 23].

Из приведенного определения предмета истории очевидны огромные трудности, возникающие перед исследователями, стремящимися постичь «смысл истории». Ко всему сказанному следует добавить еще одну сложность, пока, пожалуй, методологически неразрешимую. Дело в том, что каждый отрезок социального (исторического) времени содержит в себе элементы как прошлого и настоящего, так и признаки будущего. Этот феномен, собственно, и придает научному исследованию прошлого то принципиальное своеобразие («оригинальность», по Блоку), которое отличает его от естественных дисциплин. Будучи частным проявлением труднейшего для изучения диалектического закона единства и борьбы противоположностей, указанный феномен нуждается в специальных герменевтических усилиях, не всегда сопровождающихся точностью выводов, аналогичных результатам естествознания.

Однако главное, что обуславливает специфику научности исторических исследований, состоит в целевой установке последних: способствовать глубокому познанию причинно-следственного фундамента современного общественного развития. Могут обоснованно возразить: разве это задача истории, а не социологии или политологии? И будут в общем-то правы, но только частично. В предмет истории, конечно, не входит специальное изучение современного социально-политического устройства. А если посмотреть с иной точки зрения? Можно ли всесторонне изучить какой-либо вопрос без учета его предыстории? Бесспорно, нет, хотя это обстоятельство вовсе не означает совпадение предметов истории и других социально-гуманитарных дисциплин.

У исторической науки специфический подход к общественному развитию, ее интересует не данное состояние социума, а его временное вызревание и развертывание, факторы, воздействующие на эту эволюцию. А поскольку одним из определяющих факторов оказывается человеческая деятельность, постольку все, что, так сказать, движет человеком в его повседневном поведении, составляет ядро предмета истории. Строго научным же образом выразить существо и направленность этой деятельности и этих факторов – практически недостижимый идеал. Человек, пишет В. Степин, – это особая разновидность предметности, так как «выражает одновременно и безграничность и ограниченность науки, поскольку человек как самодеятельное, сознательное существо обладает свободой воли, и он не только объект, но еще и субъект деятельности. И в этом его субъектном бытии не все состояния могут быть исчерпаны научным знанием, даже если предположить, что такое всеобъемлющее научное знание о человеке, его жизнедеятельности могло бы быть получено». Получить такое знание, продолжал Степин, довольно трудно при нашей нынешней методической и методологической оснащенности. К тому же, ученые разных специальностей только с конца XX в. вплотную занялись изучением особых, саморазвивающихся систем, к которым относятся и социальные системы; ранее их внимание привлекали «простые системы» (до первой промышленной революции) и «сложные саморегулирующиеся системы» (с научно-технической революции середины XX в.) [8].

Социальные саморазвивающиеся системы обладают двумя важными признаками, непосредственным образом сказывающимися на историческом познании.

Во-первых, мы оперируем абстракциями, а не материальными объектами, а вторых – такого рода системы «заряжены» трудно предсказуемой динамикой и нередко крутыми стадиальными переходами. Что касается первого признака, то в современной философской литературе отмечается слабая разработанность этого раздела эпистемологии. Правда, начиная с И. Канта европейская мысль настойчиво искала способы научного изучения идеальных объектов, составлявших едва ли не добрую половину известных исторических фактов. Указанной темой занимались, кроме Канта, Э. Гуссерль, К. Маркс, Г. Лукач, Г. Левин, М. Мамардашвили и др. Л. А. Микешина, подводя итоги проведенным разысканиям, выделила два центральных понятия: *гипостазирование* (от греч. – реальность) – это «утверждение о реальном существовании того, что зафиксировано в понятии», *реификация* (от лат. *res, rei* – вещь) – это «утверждение о его предметной, вещественной форме». В выводах статьи она пишет: «Итак, с позиций эпистемологии, гипостазированные сущности в сфере культуры и социума могут быть оправданы, если они, реифицируясь через институты, коммуникации и деятельность людей, обретают объективное существование по принятым в обществе правилам. В целом процесс конструирования социальной реальности имеет в своих когнитивных истоках гипостазирование и реификацию, что вызывает необходимость не только оправдать их познавательные-конструктивные функции в социальном и гуманитарном знании, но также переосмыслить роль субъекта, природу объекта и принципы эпистемологии в этих науках» [6, с. 54].

Если перевести вывод Микешиной с философского языка на исторический, то получим следующее положение. Идеальные объекты, сформированные в сознании создателей источников на основе индивидуального восприятия действительности своей эпохи, вынуждают ученых – за неимением других свидетельств – «конструировать социальную реальность» изучаемого периода, исходя из установленной ими самими логики исторического процесса. Понятно, что избежать при этом какой-то доли вероятности обычно не удается, а залогом приближения к достоверности служит добросовестность исследователя, его профессиональное мастерство и интуиция. В такой конфигурации гносеологических средств можно вполне признать оправданными «гипостазирование» и «реификацию», а также переосмысление «субъекта, природы объекта и принципов эпистемологии...» Познавательные затруднения в исторической науке обусловлены, кроме прочего, особым соотношением субъекта и объекта. Современный зарубежный ученый удачно сформулировал данный аспект: «Взаимопроникновение субъекта и объекта исследования всегда было определяющим свойством гуманитарных наук и оно останется таковым и впредь» [7]. Тем самым можно сделать вывод, что исследователь-историк самим состоянием источниковой базы принужден «вставлять» недостающие звенья в описываемое им социальное пространство прошлого, тщательно аргументируя это «самоуправство» сохранившейся фактической канвой.

Второй важный признак социальной системы, осложняющей историческое познание, – это ее нестабильность, порождаемая противоречивым комплексом людских стремлений, представлений, ценностей, социальных или экономических предпочтений, моральных принципов и т. д. Историк должен выбрать из этой разноголосицы какие-то ведущие социальные группы, определяющие характер общественного движения, господствующие мировоззренческие установки, уровень духовной культуры. Доля субъективности имеется, очевидно, и здесь.

Своеобразно также отношение историка к современности. Хронологически его владения ограничены прошлым. Но, окунаясь в минувшие эпохи, он невольно «заглядывает вперед», не ограничиваясь воссозданием акта зарождения того или иного важного социального явления, его постепенной трансформации, но раздумывая и о том, к чему это приведет в будущем. Так из текста, повествующего об отдаленных временах, между строк проглядывали уроки для современников уче-

ного. Это были не прямолинейные наставления и даже не отвлеченные поучения мудреца. Максимально достоверный рассказ о прошлом вооружал общество знанием пройденного исторического пути, достигнутыми тогда успехами, пережитыми неудачами, причинами и того, и другого. Как писал еще Гегель, история никого и ничему не научила, ибо обстоятельства со временем коренным образом меняются и средства прошлого мало подходит для настоящего и тем более для будущего. Но история обогащает человека жизненным опытом, универсальным знанием поведения в любых драматических ситуациях. Как подчеркивал позже В. Ключевский, история, в самом деле, не может снабдить людей безотказными моделями решений любых конфликтов и проблем, но она их «проучивает» за незнание собственных уроков. По сути дела, русский историк повторил мысль немецкого философа начала XIX в. В этих глубоких и мудрых размышлениях историков о своем времени, отчизне и соотечественниках мы можем с достаточным основанием усмотреть ту «оригинальность» исторической науки, о которой прозвучал М. Блок.

Библиографические ссылки

1. Барг М. А. Категории и методы исторической науки / М. А. Барг. – М., 1984.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – М., 1973.
3. Болебрух А. Г. «Старца великого тень» / А. Г. Болебрух // Вісник Дніпропетровського університету. Історія та археологія. Вип. 17. – № 1/1. – Д., 2009. – С. 180–185.
4. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Ф. Бродель // Философия и методология истории. – М., 1977. – С. 114–142.
5. Геродот. История : в 9 т. / Геродот. – Л., 1972.
6. Микешина Л. А. Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации / Л. А. Микешина // Вопросы философии. – 2010. – № 12. – С. 44–54.
7. Платт Кевин М. Ф. Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: Вместо манифеста / Кевин М. Ф. Платт // Независимое литературное обозрение. – 2010. – № 106 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/ke4.html>).
8. Степин В. С. Наука и философия / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 58–75.
9. Хакимов Г. А. «Время большой длительности» Ф. Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания / Г. А. Хакимов // Вопросы философии. – 2009. – № 8. – С. 147–156.

Надійшла до редколегії 02.02.2011

УДК 930.1+930.2

Ю. А. Святець

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ФАЛЬСИФІКАЦІЯ ТА ДЕЗІНФОРМАЦІЯ В ІСТОРИЧНИХ ДЖЕРЕЛАХ

Проаналізовано приклади формування передумов «фальсифікації» інформації в історичних джерелах. Розглянуто відмінності понять «сфальшована інформація» та «сфальсифікований документ». Показано, що «дезінформація» та «фальсифікація» джерел є аспектом комунікаційного процесу та мають статистичну природу.

Ключові слова: дезінформація, історичне джерело, комунікація, фальсифікація.

Проанализированы примеры формирования предпосылок «фальсификации» информации в исторических источниках. Рассмотрены отличия понятий «фальшивая информация» и «сфальсифицированный документ». Показано, что «дезинфор-